

Собранное». Не «Избранное», не «Полное собрание сочинений», а именно — «Собранное». Так называется книга известного петербургского историка Юрия Владимировича Кривошеева.

...Муза Клио не древнегреческого, а русского происхождения. Она из русской глубинки, из тех самых мест, где «чужь начудила, да мера намеряла». Здесь десятки вёрст искожены своими ногами, здесь многие ландшафты запечатлены на фотографиях, рисунках. Юрий Кривошеев любит материальность, предметность истории. Не случайно один из разделов книги носит красноречивое название: «Где был...». И остаётся только удивляться: как много мест, где он успел побывать! «Историк без географии на каждом шагу встречает претыкание», — сказано ещё в «осмнадцатом» столетии. У автора такого «претыкания» точно не бывает. Перед каждой своей работой исследователь проводит тщательную рекогносцировку местности, будь это Владимирская земля или Чудское озеро, где грянуло когда-то Ледовое побоище.

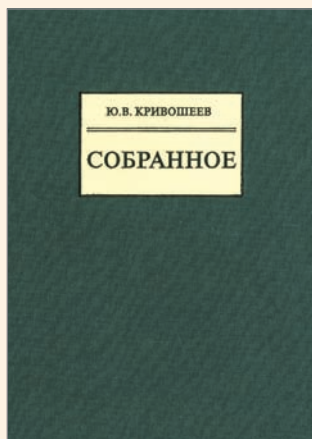
Это не просто любовь к географии, в том числе и исторической, хотя курс этот он читает много лет в стенах родного Санкт-Петербургского университета. И не просто пietet к модной сейчас локальной истории. Это понимание того, что мир России — мириады миров. Из них, из этих миров, и формируется уникальное мироознание под названием «Русь». Отсюда и интерес к историческому регионоведению. Доктор исторических наук Кривошеев — основатель кафедры регионоведения на историческом факультете СПбГУ. Кафедра, пока одна из немногих в России, сама по себе крупный центр по изучению страны. А Юрий Владимирович — один из тех, кто внёс огромный вклад в возрождение придушенной в конце 1920-х замечательной науки — краеведения.

Подлинное познание России возможно только «снизу», от тех краёв и областей, которые мы ныне осторожно именуем «регионами», а когда-то грубо, но честно называли «окраинами». Вот только начинаются-то они сразу за Садовым кольцом. Что ж поделаться, если стержневая проблема нашей истории — это «центр» и «окраины». Проблема по значимости вполне сопоставимая с другой — «Народ и власть». Обо всём этом интересный раздел в книге — «История и организация исторической науки».

Среди «окраин» и Санкт-Петербург — Северная столица, а вернее, столичный город с провинциальной судьбой. Вспоминаю высказывание одного почтенного профессора. «Что это такое: «петербурговедение»? — интересовался он. — Бывал на Западе — нет там никакого «лондоноведения» или «парижеведения». Я тоже не сторонник того, чтобы это слово прикладывали к чему ни попадя. Но без таких наук, как «петербурговедение», «москвоведение» нам в России не обойтись. Ю. В. Кривошеев вместе с Т. А. Славиной и рядом других энтузиастов был у истоков Санкт-Петербургской ассоциации исследователей города, созданной ещё в 1990 году. Ассоциация объединила лучшие силы

Андрей **ДВОРНИЧЕНКО**,
доктор исторических наук

СОБРАННОЕ ИСТОРИКОМ

Кривошеев Ю. В. *Собранное*. — СПб.: Владимир Даль, 2010. — 648 с.

специалистов, изучающих разные аспекты прошлого и настоящего великого города. При кафедре Юрий Владимирович создал Центр петербургских исследований (2004), который ведёт активное изучение Санкт-Петербурга, регулярно проводит масштабные конференции. Этой теме посвящён раздел «Петербурговедение», который занимает значительное место в книге.

Ещё одно орудие познания и интереснейшая наука одновременно — историография, бич нерадивых студентов-историков и благодарная подруга тех, кто стремится глубоко изучать родную историю. Нашей историографии не повезло. В 1920–1930-е годы произошло трагическое «изгнание науки». Так, кстати, называется статья Кривошеева, увидевшая свет в 1994 году и получившая широкую известность среди историков. Под флагом борьбы с прошлым дореволюционную историческую науку сначала постарались уничтожить, а потом на её месте силились построить — как бы с нуля — совсем новую, основанную на марксистско-ленинской платформе. К счастью, до конца не удалось сделать ни того, ни другого.

Прошло уже почти тридцать лет после начала перестройки, а для нас собственная историография, богатейшая научная традиция — по-прежнему terra incognita. В современных работах тот или иной предшественник зачастую вырывается из историографического контекста и, скажем мягко, потребительски использует историографию для доказательства собственных построений. Кривошеев один из тех, кого можно считать приятным исключением из такого правила. Его творчество буквально пронизано историографией. Он подходит к теме масштабно, о чём свидетельствует и такой раз-

дел книги, как «Историография древней и средневековой Руси». В ней рассмотрены крупнейшие проблемы историософии эпохи, проблемы «крещения Руси», «монгольский вопрос» в русской историографии и общественном сознании, земский строй Северо-Восточной Руси...

В книге, в разделе «Персоналии», проходит целая галерея образов историков, каждый из которых внёс свой вклад в дело изучения родной старины. Автор находит в творчестве своих предшественников интересные и неожиданные грани, под пером его оживают споры давно ушедших времён.

Один из самых примечательных разделов книги — «Два князя». Здесь опубликованы труды, посвящённые Владимиру Мономаху и Андрею Боголюбскому. В этих текстах сказались лучшие качества автора — историка и писателя, исследователя и популяризатора истории. Образ Мономаха, любовно написанный Кривошеевым, — это портрет, выполненный нашим современником, обогащённый знанием всех достижений исторической и филологической наук за вторую половину XX века. Именно поэтому он выглядит свежо и убедительно: сквозь летописные образы историку удаётся уловить живые черты человека, аромат и краски эпохи.

А эпоху эту у нас сильно любили впоследствии и народ, и историография. Кстати, и наш автор захвачен этим чувством. Почему так любили и любят Киевскую Русь? Василий Осипович Ключевский объяснял это тем, что тогда «на поверхности общества было много движения, а люди вообще равнодушны к временам, исполненным чувства и движения». Позволю себе не согласиться с почтенным историком. Дело не в чувствах и движении. На фоне тяжёлого государственно-крепостнического строя, который устанавливается в стране уже в XVI веке, Киевская Русь казалась палладиумом свободы и демократии. Её князья были близки народу, сословий ещё не было. Народ воспевал Киевскую Русь в своих былинах, а историки любовались её земско-вечевым строем. Любуется своим Мономахом и автор.

Особое место в книге занимает текст об Андрее Юрьевиче Боголюбском. В рассказе о нём сведены воедино все те методы и подходы к древнерусской истории, о которых уже говорилось. Это сплав истории, источниковедения и краеведения — исследование яркое, оригинальное, в котором каждый найдёт что-то интересное для себя. Перед нами — Андрей Юрьевич «в житии», а гибель его помогает многое понять не только в судьбе выдающегося князя, но и в особенностях эпохи, его породившей. Чтобы объяснить феномен гибели и погребения князя, автору пришлось привлечь огромный материал этнографического, сравнительно-исторического и даже криминалистического характера.

В общем, рекомендую прочитать «Собранное», в нём — единство творческой энергии автора, его прекрасных знаний, нетривиальных подходов к истории и, конечно же, любовь — и к малой, и к большой Родине.

г. Санкт-Петербург